

его собственное творчество и, принимая разнообразные формы, преподносится в качестве советов молодым писателям.

Несмотря на обилие восклицательных знаков, рассыпанных на страницах, посвященных Дрезденской галерее, чувствуется равнодушие писателя к мастерам эпохи Возрождения. Картины Микеланджело «не столько приятны, сколько удивительны»; кисть Корреджио «ставится в пример нежности и приятности»; Тициан «считается первым колористом в свете» и т. д. «Я рассматривал со вниманием Рафаэлеву Марию, которая держит на руках младенца и перед которою стоят на коленях св. Сикстус и Варвара», — все, что он может сказать о Сикстинской Мадонне Рафаэля. . .

Может быть, Карамзин вообще не любит живописи? Нет. Есть произведение, по-настоящему волнующее его, — «Мария Магдалина» Лебрена. Для нее писатель находит иной тон, иные слова. «О, чудо несравненного искусства! Я вижу не холодные краски и не бездушное полотно, но живую, ангельскую красоту, в горести, в слезах, которые из небесных голубых глаз ее льются на грудь мою; чувствую теплоту, жар их, и вместе с нею плачу. Она узнала суету мира и злополучие страстей! Сердце ее, для света охладевшее, пылает перед алтарем всевышнего. Не муки адские ужасают Магдалину, но мысль, что она не достойна любви того, кто любит ею столь ревностно и пламенно: любви отца небесного — чувство нежное, одним прекрасным душам известное! Прости меня, — говорит ее сердце. Прости меня, — говорит ее взор. . . Ах! не только бог, совершенная благодать, но и самые люди, редко не жестокие, каких бы слабостей не простили такому искреннему святому раскаянию? . . . Никогда я не думал, не воображал, чтобы картина могла быть столь красноречива и трогательна», — восклицает писатель и признается, что из всего увиденного ему милее и дороже именно эта картина. Ее одну «желал бы иметь; был бы счастливее с нею; одним словом, люблю ее!» (5, 13—15).

На первый взгляд кажется странным, что врага «французских румян» пленило произведение одного из типичнейших представителей классицизма, а не картины Шардена, Греза и т. п. Но выбор картины говорит и о том, что между вкусами Карамзина и классицизмом нет непроходимой пропасти, и о том, насколько устойчиво его представление об основной функции искусства: пробудить доброе в душе человеческой, помочь понять и простить. Он приписывает Марии Магдалине чувства, сходные с переживаниями Эйлалии Мейнау, и передает их почти в одних и тех же словах.

Мелодрама евангельская осложняется мелодрамой исторической. «Но открыть ли вам тайную прелесть ее для моего сердца? — спрашивает Карамзин. — Лебрюн в виде Магдалины изобразил нежную прекрасную герцогиню Лавальер, которая